

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Апрѣля 1914 года.

Иллюстрированное прибавление къ № 11984.

Воскресеніе Христово.

Икона XVII в.

ПРАЗДНИЧНЫЕ УЗОРЫ.

I. ЦВЕТЫ КОЛОКОЛОВЪ.

Вы слышали, какъ иногда въ сумеркахъ поютъ колокола? Пѣсни далекихъ очарованій, далекихъ зововъ. Кажется, въ полумракѣ надъ городомъ возсталъ таинственный призракъ, весь бѣлый-бѣлый, и трудно понять, говорить ли онъ сказки о будущемъ, или поеть легенды и саги о похороненномъ прошломъ.

А этотъ бѣлый звонъ, весной!

Онъ такъ прекрасенъ утромъ. Слушаешь, и ясно это тихо позваниваютъ солнечные лучи; это шепчутъ свѣже-зеленые листики и травинки; это весна послала впередъ своего рыцаря-трубадура, и онъ торжественно, смѣло и гордо кричитъ всѣмъ вѣтрамъ, всѣмъ далямъ, всѣмъ полямъ обѣ ея золотой побѣдѣ.

Онъ богатитъ землю сверкающими серебряными посѣвами.

А вечеромъ, когда открыты окна, дрожатъ бѣлыя занавѣси, голубой звонъ входитъ въ комнату совсѣмъ ласковый, неразборчивый, завуалированный.

И тогда это мысли о дѣтствѣ, тихія слезы о чистотѣ и прекрасномъ, любовь, не знающая имени любимаго или возлюбленной; молитва безъ словъ.

Чудесные проповѣдники и поэты!

Одинъ старинный колоколь имѣлъ надпись:

«Зову живыхъ, оплакиваю мертвыхъ, отражаю молніи».

Живымъ—вдохновеніе и радость борбы; ушедшими печаль и память.

Поднятый къ небу, старый колоколь подобенъ недремлющему воину,—бросаетъ свой гремящій крикъ и въ побѣдныхъ высотахъ сражается съ молніями.

Его щитъ отражаетъ синіе мечи и огненные копья.

Тогда онъ словно раненъ, и льется въ долины его серебряная кровь—рыдающая пѣсня.

Они разны, и разны ихъ голоса.

Въ Венеціи они грохочутъ, какъ разъяренныя волны. Это буря въ небѣ, осыпающая на площадь святого Марка свои побѣдныя крики.

Въ Брюгѣ—они скромны и тихи. Они состарились вмѣстѣ съ храмами Фландріи и неподвижными каналами. Ихъ чередующіеся голоса, опаленные безмѣрною скорбью, похожи на лепеть преданій, на процесіи монахинь въ бѣлыя одѣянія и съ бѣлыми лиліями въ рукахъ.

Въ Испаніи они строги и важны, какъ патеры въ черныхъ сутанахъ. Но иногда къ ночи ихъ степенные голоса вдругъ подымаются до крика; тогда это—прошлое, тогда это—багровое пламя инквизицій и похоронный набатъ еретикамъ.

Но въ Москвѣ, старые и молодые, они болѣе торжественны, ибоѣ оплакивають и болѣе прощають; они не вливаютъ въ свое

Въ Эммаусъ.

Плакгорстъ.

«Съ».

M. V. Нестеровъ.

благословеніе жестокой вопль древнихъ пожаровъ и казней; они смиреніе старцы, знающіе истину; они хотять радовать и не рассказывать весенней радости.

Цвѣты колоколовъ...

Самые ласковые и понятливые живутъ въ деревняхъ, въ простынеглавыхъ церковкахъ.

Работу пахаря, лѣтнюю страду, забитость, голодъ, смерть ма-ребенка, одинокую зимнюю думу,—все взяли они, всю скорбь подоб-съ деревенской земли, и въ ихъ зовахъ эта скорбь перелилась въ-бовь и прощеніе.

Они разны, молодые и старые.

Одни такъ прости и убоги, другіе наряжены въ свои мѣдныя то-ственныя платья, украшены мудрыми надписями, овальными изобра-ніями епископовъ и правителей.

Одни молоды, звонки и веселы, какъ солнечное поле.

Другіе стари, какъ башни, возносящія ихъ къ небу.

Не сразу рождается ихъ мѣдныій голосъ, будто мѣшаетъ каки-карика не боится, выгибає шею, горланитъ, и когда горланитъ, шея весь дрожитъ, и вѣкамъ дремавшая мѣдь кричитъ грозно и мощно.

Въ широкой лужѣ, у садовой изгороди, желтогрудая утки точно вторяютъ тысячелѣтніе призыны и роняютъ тяжелыя, мѣдныя слезы. они съ веселымъ бульканьемъ суетъ въ воду длинный и плоскій носъ, имѣютъ свои прославленныя имена. И вотъ очень рѣдко, въ самы-то вѣсно.

Селезень отливается перламутромъ. На мѣстѣ замеръ, грудь выпла-ть, какъ старый генераль, и только головой ворочаетъ направо и налево.

Бездѣльные собаки устали лаять, бродить подвору, землю нюхаютъ, на ляжетъ,—разбросаетъ ноги во всѣ стороны, другая, напротивъ.

Потомъ такъ долго они не могутъ успокоиться, эти старые кола; голоса понижаются до шепота и, наконецъ, умираютъ въ осты-тии. Вдругъ остановится съ поднятымъ хвостомъ, посмотритъ, какое неподвижной громадѣ тысячелѣтнаго металла.

Чудесные проповѣдники поэты!

Великій праздникъ они украшаютъ своимъ безмѣрнымъ

ваниемъ.

Звонъ солнечныхъ лучей.

Ликованіе весны.

Бѣлыя птицы, летящія съ неба.

Цвѣты, которые рождаются, сверкаютъ и благоухаютъ въ воздухѣ.

Старые и молодые, они радуются вмѣстѣ съ человѣкомъ,

съ просыпающейся землей.

къ морю, которое внизу, за пригоркомъ, протянуло свою голубатую тихую полочку.

Налѣво жело-зеленая балка, и тянуть оттуда влажнымъ крѣпкимъ ароматомъ.

Взглянуль на море и соображаетъ свое, ежегодное:

Бычки, значить... Бычковъ у насъ тьма... Аглаюшка на-маринуетъ... Только не разварить... Чтобы крѣпкій... Хорошо мягкой травки для запаха... Яичницу съ лукомъ, бычокъ, рюмка настойки. Елисѣй изъ Каменки собирался... Крѣпись, старина... Геморрой... У меня тоже геморрой... Да вотъ лѣтъ двадцать и помнить забыть... Мы Елисѣичу аршинного судака... По-польски, онъ любить. У Аглаюшки масла, небось, пуда четыре. А послѣ судака, мы ему молодого барашика... Въ дурака сыграемъ... Обѣ-щала календарь привезти... Насчетъ погоды прочесть. На песокъ оставилъ прежнюю цѣну... Береговой, бѣленыкій... У меня самый лучший... Въ Каменкѣ уже хуже... Ишь, негодяи, ведро раздѣлываются. Ивашка, пузырь, подъ, подъ сюда. Ну, какой пучеглазый... Заяцъ ты, пучеглазый. Поди мнѣ табакерку принеси. На угольничкѣ...

Бѣлая пятнастая собака подбѣжала, облизала дѣду руки, заглянула въ глаза, пахнула теплымъ быстрымъ дыханіемъ и унеслась.

Ишь ты, паршивка... Да, бычки... А день то какой... Господь къ празднику Своему... Спаси и помилуй. Вотъ и еще дожилъ... Все Твоя воля. На святахъ застудился, уже къ попу спаль, нутро ворочало. Вздохнуть не могъ... Отпустило. Спаси и помилуй... Хорошо куличи подняла... Прошлый годъ пониже были, тяжелѣ... На шаль подарила... Баба зябкая, ледяшая.

Что-жъ ты, пузырь, запропалъ. Ну иди, играй.

Дѣдушка медленно скрутилъ толстую папиросу.

Взглянуль на пѣтуха, снова подумалъ:

Погодка то... Господи...

Вставиль папиросу въ закопченный вишневый мундштукъ. закурилъ, затянулся и отъ удовольствія (весь постъ не курилъ) словно просвѣтлѣли морщинки на его красномъ лицѣ съ мя-системъ носомъ.

Опять думалъ потихоньку:

— Все оно весну чувствуетъ... Ишь горланитъ, пѣтушина душа... А перезвонъ, точно англійскій скакунъ... Шалы! Курь попугалъ... Яшка на гармоникѣ заливается... Разлука... Ка-кая тебѣ разлука, сердцеъдъ... Способный да лѣнивъ... Къ парникамъ его приспособимъ. А то къ горшечнику. Ногами крути, руками лѣпи. Пальцы небось ловкіе...

Прервали дѣдушкуну думу.

Прибѣжалъ Аришка, опростоволосилась, воетъ.

Нахмурился Митрофанъ Ильичъ.

— Значить, опять побиль, скотина. Праздника ему нѣть. Баба гоготала и хорошо. Нѣть же, набросился. Ну и народъ.

Благовѣщеніе.

Амброджо Бергоньоне.

Набузикался. Ну не вой, не вой... Я съ нимъ сейчасъ... Аглаюшка! Аглаюшка! Позови садовника.

Черезъ нѣсколько минутъ около дѣда уже стоялъ садовникъ, рослый мужикъ въ темной косовороткѣ, расшитой по вороту. Притихшій, краснолицій.

— Ты что-жъ?... Какой тебѣ сегодня день? Нагло-тался, свинья... Въ шею хочешь? А? Въ шею хочешь? Чего на бабу огрызся?

— Митрофанъ Ильичъ, чуть приторкнулся... Взвыла... Я что жъ...

— Ты не чтокай... Приторкнулся, знаю я. Морду на бокъ своротишь, а потомъ приторкнулся... Эхъ, ты...

Дѣдушка хмурится, потомъ молчитъ нѣсколько минутъ и начинаетъ совсѣмъ другимъ, мягкимъ почти ласковымъ голосомъ:

— Видишь, садъ твой зеленѣлъ. Утки плещутся. А собаки, посмотри... Птицы такъ и заливаются. Плохо тебѣ? Слышишь, Яшка играетъ. Ну? Всякая тварь весну почуяла, проснулась... Праздникъ. Ну? А ты что, хуже твари? Она радуется, а ты съ кулаками... Хорошъ садовникъ, а я его за старшаго во дворѣ почиталъ.

Изъ церкви.

М. В. Нестеровъ.

Фениксъ.

Праздникъ.

Б. Кустодіевъ.

Митрофанъ Ильичъ жалобно протянулъ му-жикъ,— ей Богу, не хотѣлъ...

— Не божись. Пора степеннымъ быть. Обидѣлъ. Обидно мнѣ...

Митро—о...

Знаю, знаю. Приведи Аришку. Ну, мигомъ.

Садовникъ вернулся съ бабой. Аришка не плакала, только надулась, вся надулась, вся толще стала, словно квочка.

— Обними бабу. Ну... Цѣлуй... Вотъ. Идите... Узнаю еще, не пощажу.

Опять одинъ. Сбѣжалась съ края крыльца, и зазолотились отъ солнца перила.

— Елисѣичъ завтра обѣщаешь... Аршинного судака... Рыбы то у насъ, рыбы. Господи, спаси и помилуй... Особеніо бычковъ... Непремѣнно мятной травки въ маринадъ...